

DOI: 10.58168/BEING2024_37-43

УДК 130.3.009.14

МЕТАФИЗИКА СОЗНАНИЯ И ПРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ И. КАНТА
METAPHYSICS OF CONSCIOUSNESS AND MORAL PHILOSOPHY OF I. KANT

Емельянова Н.Н., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии
 ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», Донецк, Россия

Yemelyanova N.N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
 Professor of the Chair of Philosophy
 Donetsk State University, Donetsk, Russia,

Аннотация: в статье исследуется метафизика сознания И. Канта, в рамках которой изучаются вечные философские проблемы, касающиеся возможностей человеческого разума, содержания моральных постулатов, вероятности постижения Бога. Нравственная философия И. Канта рассматривается в контексте трансцендентальной проблематики, являвшейся предметом размышлений многих известных мыслителей, в частности – Ф. Ницше. Доказывается, что в этических учениях И. Канта и Ф. Ницше, при всем их различии, прослеживается стремление противостоять претензиям самодовольного разума на владение абсолютной истиной относительно законов феноменального и ноуменального миров, а также искреннее желание усовершенствовать человеческую природу.

Abstract: The article explores the metaphysics of consciousness by I. Kant, in which the eternal philosophical problems concerning the possibilities of the human mind, the content of moral postulates, and the probability of comprehending God are studied. The moral philosophy of I. Kant is considered in the context of transcendental problems, which was the subject of reflections of many famous thinkers, in particular F. Nietzsche. It is proved that in the ethical teachings of I. Kant and F. Nietzsche, for all their differences, there is a desire to resist the claims of a complacent mind to possess the absolute truth about the laws of the phenomenal and noumenal worlds, as well as a sincere desire to improve human nature.

Ключевые слова: метафизика, трансцендентальное, человек, разум, мораль, нравственная идея, Бог.

Keywords: Metaphysics, transcendental, man, reason, morality, moral idea, God.

Наследие Иммануила Канта не может оставить равнодушным мыслящего и душевно развитого человека, непрерывно познающего, сомневающегося и рефлексирующего. Неслучайно вопросы, поставленные кенигсбергским философом, традиционно называют вечными. Постулаты его этики до сих пор вызывают споры, так как нравственная философия, имеющая множество ракурсов, не может быть сведена к однозначным оценкам. Знаменитые кантовские антиномии разума, ставящие под сомнение познавательные возможности субъекта, открывают бесконечное поле для дискуссий. Это касается и его новаций в области «практического разума», в изучении проблемы морального сознания, в анализе императива

нравственной интуиции, и, конечно же, в поисках доказательства Бога. В наше время, характеризующееся обилием эпистемологических и теологических смыслов, проблема постижения как рациональной, так и сакральной сферы бытия остается актуальной и востребованной философской мыслью.

Известно, что метафизика, восходящая к древнегреческой традиции, делала акцент на созерцании трансвременного бытия – мира истины, оставшегося скрытым за чередой временных становлений. После Г. Гегеля истинное бытие стало пониматься как исторически обусловленная идея, то есть продукт истории. В неклассической философии подчеркивалась условность и дискурсивность истины, ее соотнесенность со стереотипами оценочного сознания. Так, один из самых ярких представителей философии жизни Ф. Ницше объявил поход против метафизики и провозгласил иллюзией понятие истинного мира: «Парменид сказал: "Нельзя мыслить того, чего нет". Мы находимся на другом конце и говорим: "То, что может мыслиться, должно быть непременно фикцией"» [4, с. 249].

Позднее М. Хайдеггер связал трансцендентность с человеческим существованием и сделал онтологию экзистенциальной. Продолжив попытки преодоления метафизики, он пришел к выводу, что «обоснование метафизики является вопрошанием о человеке, то есть антропологией» [7, с. 120]. Знаменуя самопреодоление классической рациональности, метафизика принадлежит истории, в виде которой существует бытие. Сориентировав критическую философию на сохранение человека в мире природы и истории, М. Хайдеггер указал на противоречивость метафизики, которая реализуется путем отрицания.

Интересный взгляд на метафизику продемонстрировал Э. Роуз, для которого провозглашение относительности любой истины является проявлением так называемой «отрицательной» метафизики. Все формы последней он делит на две основные категории – реализм и агностицизм, каждый из которых, в свою очередь, подразделяется на наивный и критический. К наивному реализму он относит марксистскую доктрину, к критическому – позитивизм. Наивный агностицизм, провозглашающий абсолютную непознаваемость истины, фактически является вариантом позитивизма, а критический («чистый») агностицизм прагматически отказывается от абсолюта и ведет к тотальному солипсизму. Абсолютность истины выводится автором из христианского откровения; при этом логика мышления признается бесполезной, а все позиции, отличающиеся от христианской, объявляются лжеоткровениями [9, р. 14-18]. Очевидно, сюда попадает и учение И. Канта, который подверг сомнению не только истины разума, но и привычные представления о Боге.

Метафизика сознания И. Канта в классическом виде дает нам учение о сверхчувственном, постигаемом в процессе трансцензуса – выхода за рамки ощущений. Кенигсбергский философ связывал метафизику со способностью человека расширять свой разум до спекуляции. Трансцензус невозможен в феноменальном мире, ибо выйти за границы опыта можно только в сфере сознания, то есть в мире умопостигаемом. «Без метафизики развитие мышления невозможно, ибо именно она есть внутренняя суть познавательного интереса. Метафизика не сводима к своему "продукту" – идее трансцендентности в любом виде, но и неотделима от него» [6].

Усомнившись в неограниченных возможностях человеческого разума, И. Кант задается вопросом о возможности метафизики, под которой понимается догматическая наука о

ноуменальном, сверхчувственном мире. «В метафизике, – иронично констатирует он, – можно нести всякий вздор, не опасаясь быть уличенным во лжи» [2, с. 162]. Дав отрицательный ответ, на им же поставленный вопрос о возможности метафизики, философ обращается к причинно-обусловленным феноменам, составляющим опыт, и находит в них единственный способ демонстрации какого бы то ни было существования. Однако человек мыслит себя как моральное существо, наделенное ноуменальным «я», не вписывающимся в систему причинных связей. По этому поводу Дж. Пассмор справедливо заметил: «Легко было вычитать из этого атаку на интеллект во имя высшей морали» [5, с. 71].

Спустя столетие Ф. Ницше, страстно продолживший эту атаку, раскритиковал категории метафизического сознания и отверг кантовское чувство причинности, трактуя его как страх перед непривычным и поиск чего-то известного. Сам Ницше вкладывал в понятие причины чувство воли, свободы, ответственности и намерения действовать. Считая, что сущность вещи на самом деле является лишь мнением о ней, он объявил нелепым понятие вещи в себе, а хитроумный скепсис Канта объяснил спекуляцией понятием морали. Такие же обвинения он выдвинул в адрес А. Шопенгауэра, который продолжил кантовское движение к нигилистическому декадансу [4, с. 254-259]. Согласно Ф. Ницше, ни душевная, ни телесная, ни интеллектуальная нужда сама по себе не порождает нигилизм: «Напротив, в одном вполне определенном толковании, христианско-моральном, заложен корень нигилизма» [4, с. 35]. Данная ситуация знаменовала для философа крушение веры в категории разума и падение морального мироистолкования.

На первый взгляд, обвинение И. Канта в нигилистическом декадансе выглядит довольно неожиданным: в истории философии утверждение нигилизма и всесокрушающей переоценки ценностей связывается с именем самого Ф. Ницше. Отринув фальшивые ценности ослабленной жизни – показное смирение, мелочную расчетливость, сомнительную доброту, за которыми скрываются алчность, мстительность и желание тирании, – Ф. Ницше противопоставил им несокрушимые нравственные нормы: свободу, ответственность, мужество, душевное благородство. Под свободой он понимал равнодушие к лишениям, готовность пожертвовать для своего дела людьми, не исключая из них и себя, господство мужественных, победоносных инстинктов даже над «инстинктом» счастья. Наследственные моральные богатства Ф. Ницше считал никогда не оскудевающими. Сравнив человека со зверем, имеющим красные щеки, горящие от стыда за собственную историю, он предложил свой проект будущего, в котором не может быть места императивам искаженной нравственности.

В отличие от И. Канта, Ф. Ницше не считал, что человек должен подчинять себя моральному долгу. Он был убежден, что порядочность не нуждается в изыскании этических оснований, так как является следствием судьбоносных свободных инстинктов. Иными словами, нравственность человека изначально определяется глубоко укорененными в нем ценностными установками, причем эти установки диаметрально противоположны у аристократов духа и «рабов морали». Разоблачая суррогатные ценности «маленького» человека, Ф. Ницше тем самым боролся с установками ложного сознания, подменяющего реальную картину бытия иллюзиями житейского мироотношения. Поэтому и нигилизм он воспринимал как свободную задачу установления новых ценностей.

Безусловно, для исследователя весьма интересно разобраться с упреками в адрес И. Канта относительно его «хитроумного скепсиса» и спекуляции понятием морали. Прежде всего отметим, что скептицизм философа понятен и оправдан мировой познавательной практикой. Можем ли мы утверждать, что наш разум способен до конца познать мир, душу и Бога? И. Кант абсолютно прав, отвечая на этот вопрос отрицательно: мы можем познать только то, каким объект нам кажется, но не можем познать то, каким он является на самом деле. Утверждая, что «вещь в себе» непознаваема и возможности разума ограничены, философ вполне обоснованно не разделяет безграничной веры в силу человеческого разума, считая эту веру догматизмом. Если же разум пытается докопаться до самой сути, он действительно впадает в противоречия. В учении об антиномиях разума И. Кант блестяще доказывает, что любому умозрительному утверждению можно противопоставить противоположное, причем ни то, ни другое нельзя подтвердить опытом, но сколько угодно можно доказывать теоретически.

В известных четырех антиномиях наиболее животрепещущим для массового сознания выступает вопрос о существовании Бога. Во всяком случае, после выхода романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» всей читающей публике стало известно о загадочном *шестом доказательстве* Бога. Распространено ироничное мнение о том, что все знают о наличии данного доказательства, но никто не знает, в чем, собственно, оно заключается. Между тем, это доказательство можно сформулировать вполне доступно: *Бог существует как нравственная идея, помогающая человеку примириться со злом.* Для И. Канта зло означает извращенный порядок взаимоотношения между разумом и чувственностью. Сформулировав категорический императив и поставив перед человеком высочайшую планку нравственной жизни, И. Кант предупреждает, что мир несправедлив, и добродетель не может быть условием счастья. Поэтому человек задумывается о том, что где-то должен быть верховный судья, который всем воздаст по заслугам. Такого судью невозможно найти на Земле; им может быть только Бог. Именно так в сознании человека появляется понятие о Боге.

Обратившись к схоластическим попыткам обосновать существование Творца, И. Кант критически рассматривает известные пять доказательств Бога и показывает их несостоятельность. Главная ошибка Фомы Аквинского состояла в том, что, взяв понятие о Боге в готовом виде, он не проследил, как оно появляется в сознании человека. Но невозможно доказать существование какой-либо вещи, исходя только из понятия об этой вещи. Сначала надо проследить, как данное понятие появляется в сознании человека. Поскольку Аквинат этого не сделал, его выводы нельзя считать убедительными. В отличие от средневекового мыслителя, И. Кант проходит этот путь, результатом чего и является шестое доказательство Бога.

Неудивительно, что понимание Бога как нравственной идеи вызвало негативную реакцию церкви, и философу пришлось опровергать обвинения в скрытом атеизме. Пожалуй, для этих подозрений были основания, так как в его учении мораль предшествует религии: Бог является порождением морального сознания. Но, прекрасно понимая, какое место в этом сознании занимает вера, И. Кант, по его собственному признанию, вынужденно идет на ограничение знания. По сути, его размышления о том, *что должен делать человек и на что он может надеяться*, предусматривают не столько веру в Бога, сколько надежду на

внутренние силы личности (впрочем, и на справедливое государство тоже). Поскольку человек живет не только в мире природной причинности, диктующей подчинение законам природы, но и в мире свободной причинности, где он может выбирать между добром и злом, моральное сознание имеет приоритет над «чистым» разумом.

Размышляя о соотношении понятий и принципов, И. Кант пишет: «*Принципы* должны быть основаны на понятиях; на всякой другой основе могут иметь место только вспышки, которые не могут дать человеку никакой моральной ценности и даже уверенности в себе, без чего не может быть сознания своего морального убеждения и морального характера, а это сознание – высшее благо в человеке» [3, с. 494]. Потому и право воплощает в себе тот же категорический императив, который как бы спущен с небес на землю, а гражданская свобода означает право индивида повиноваться только тем законам, на которые он изъявил свое согласие.

Нравственная философия И. Канта, безусловно, привлекает своей высочайшей гражданственностью и неоспоримой чистотой замысла. Она нацеливает человека на осознанное долженствование во имя преобразования мира по принципам высокопробного гуманизма. Это означает, что индивид должен поставить свою волю на «максимум», поступиться собственными пристрастиями, изо всех сил тянуться к нравственным вершинам, видеть в Другом не практическое средство, а общечеловеческую цель, другими словами, – упорно прокладывать путь к преображению всего человеческого существа. Скептицизм И. Канта, привычно именуемый агностицизмом и призванный разоблачить иллюзии просвещенного разума, в сфере этики не утрачивает свою полемическую заостренность, но несколько меняет вектор. Так называемый «хитроумный скепсис» направляется на те же характеристики человека, которые позднее вызывают гнев у Ф. Ницше: слабость воли, безответственность, ущербный кругозор, житейский эгоизм, корыстолюбие и т. п. В сущности, оба немецких философа ставят перед современниками одно и то же главное требование: непрерывное самопревосхождение.

Действительно, вряд ли кто-то возьмется утверждать, что неустанное следование категорическому императиву для среднестатистического человека – дело легкое и желанное. Жить так, чтобы каждый твой поступок мог быть примером для всех остальных людей – невероятно трудная и, пожалуй, вряд ли выполнимая задача. Неслучайно В. Виндельбанд, объявивший И. Канта сторонником этического пессимизма, обратил внимание на то, что кантовское понятие моральности заранее предполагает победу нравственного побуждения над чувственным: «Человек воспринимает нравственный закон как норму лишь потому, что против этого закона восстает его естественное побуждение» [1, с. 143].

Точно так же тяжел и невыносимо долг путь к сверхчеловеку, который обладает несокрушимой жизненной силой и является воплощением всечеловеческой гармонии. Как у И. Канта высоконравственная жизнь сопряжена с постоянным преодолением соблазнов профанного существования, так и у Ф. Ницше всякий шаг вперед в познании вытекает из строгости к себе: высокостоящий должен каждый день доказывать свое право быть наверху. Кантовские моральные установки, не позволяющие отклоняться от требований добровольно принятого императива – это, по сути, те самые ницшевские «свободные инстинкты», побуждающие человека совершать благородные поступки. И пусть в первом случае речь идет

об осознанной работе разума, а во втором – о деятельности бессознательного, проект здесь один: самоотверженная работа сильного духом во имя будущего. То, что Ф. Ницше именуется свободными инстинктами, не возникает на пустом месте, а закладывается социальными запросами субъекта. К. Маркс был глубоко прав, утверждая, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Поэтому в этических учениях И. Канта и Ф. Ницше нет места обывательскому прозябанию и процветанию самодовольной посредственности.

Конечно, этих мыслителей разделяет очень многое: классичность – неклассичность; рационализм – иррационализм; академичность – метафоричность. Но и объединяет их тоже немало: критичность мышления, искреннее желание усовершенствовать человеческую природу, глубокое погружение в этическую и сакральную тематику. Даже скандально известная «смерть Бога», знаменующая у Ф. Ницше симптом исчезновения высших ценностей, вполне логично вписывается в кантовское разрушение ортодоксальных представлений о Всевышнем. И, если есть доля истины в обвинениях, предъявляемых И. Канту (спекуляция понятием морали, нигилистический декаданс), то, скорее всего, речь должна идти о стремлении противостоять претензиям самодовольного разума на владение абсолютной истиной относительно законов феноменального и ноуменального миров.

Обращение к философии И. Канта в очередной раз подтверждает значимость метафизической проблематики, которая является не развлечением для интеллекта, а ответственной и актуальной деятельностью. «В наших интересах беречь в себе и других огонёк самостоятельного метафизического вопрошания – как потому, что он, редчайшее явление в природе, прекрасен сам по себе, так и потому, что лишь он может привести к подлинной свободе» [8]. Трансцендентальная проблематика реализуется на уровне единичного существования, и сама история становится местоположением экзистенциального столкновения с метафизическим. Стремясь к овладению бытием, экзистенция в качестве цели содержит в себе самореализацию человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виндельбанд В. От Канта до Ницше / Пер. с нем. под ред. А. И. Введенского. – М.: Канон-пресс, Кучково поле, 1998. – 496 с.
2. Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука / Кант И. Сочинения в 6 томах. – Т. 4. – Ч. 1. (Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана). – М.: Мысль, 1965. – С. 67-210.
3. Кант И. Критика практического разума / Кант И. Сочинения в 6 томах. – Т. 4. – Ч. 1. (Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана). – М.: Мысль, 1965. – С. 311-501.
4. Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей // Ницше Ф. Избр. произв. в 3 т. – Т. 1. – М.: REEL-book, 1994. – 352 с.
5. Пассмор Дж. Сто лет философии. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – 496 с.
6. Половнев С.В. Метафизическая функциональность сознания // Москва: Либмонстр Россия (LIBMONSTER.RU). [Электронный ресурс]. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/> (дата обращения: 16.11.2023).
7. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. Пер. с нем. / Пер. послесл. О.В. Никифорова. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – 176 с.

8. Цендровский О. Что такое метафизическое сознание? [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/XDSrqrQVCACqcoOs>_(дата обращения: 10.03.2024).

9. Rose Eugene. Nihilism. The Root of the Revolution of the Modern Age. – Fr. Seraphim Rose Foundation: Forestville, California, 1994. – 104 p.

REFERENCES

1. Windelband V. From Kant to Nietzsche / Trans. from German. edited by A. I. Vvedensky. – M.: Canon-press, Kuchkovo field, 1998. – 496 p.

2. Kant I. Prolegomena to any future metaphysics that may appear as a science / Kant I. Works in 6 volumes. Vol. 4, part 1. (Under the general editorship of V.F. Asmus, A.V. Gulyga, T.I. Oizerman), M.: Thought, 1965. – Pp. 67-210.

3. Kant I. Criticism practical reason / Kant I. Works in 6 volumes. Vol. 4, part 1. (Under the general editorship of V.F. Asmus, A.V. Gulyga, T.I. Oizerman), Moscow: Mysl, 1965. – Pp. 311-501.

4. Nietzsche F. The will to power: The experience of revaluation of all values // Nietzsche F. Selected proc. in 3 vols. – Vol. 1. – M.: REEL-book, 1994. – 352 p.

5. Passmore J. One hundred years of philosophy. – M.: Progress-Tradition, 1998. – 496 p.

6. Polovnev S.V. Metaphysical functionality of consciousness // Moscow: Libmonstr Russia (LIBMONSTER.RU). [Electronic resource]. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/> (accessed: 11/16/2023).

7. Heidegger M. Kant and the problem of metaphysics. Translated from German. / Trans. afterword by O.V. Nikiforova. – M.: Russian Phenomenological Society, 1997. – 176 p.

8. Tsendrovsky O. What is metaphysical consciousness? [Electronic resource]. URL: <https://dzen.ru/a/XDSrqrQVCACqcoOs> (date of access: 03/10/2024).

9. Rose Eugene. Nihilism. The Root of the Revolution of the Modern Age. – Fr. Seraphim Rose Foundation: Forestville, California, 1994. – 104 p.